

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Ю. П. АВЕРКИЕВА

К ИСТОРИИ МЕТАЛЛУРГИИ У ИНДЕЙЦЕВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

(Обработка меди)

Освоение металла в качестве материала для изготовления орудий труда было одним из величайших достижений в истории человеческого общества. Первым металлом, из которого люди еще в условиях каменного века научились изготавливать предметы хозяйственного назначения, была самородная медь.

Вместе с производством и использованием медных орудий, наряду с каменными, в истории материальной культуры человечества начинается новая, более высокая по сравнению с неолитом ступень развития — период медно-каменного века, который был переходным этапом от века камня к веку металла.

В Северной Америке установлены три района обработки меди аборигенным населением в период, предшествовавший колонизации материка европейцами: 1) район Великих озер, где, согласно археологическим данным, обработка меди была известна около пяти тысяч лет назад; 2) область к северу и северо-востоку от Большого Медвежьего озера и 3) Северо-западное побережье. Медные изделия обнаруживаются в курганах на всем протяжении долины Миссисипи и во Флориде. Найденные медные орудия, как правило, были копиями каменных, хотя встречались также своеобразные формы, подсказанные, видимо, свойством металла. Вместе с орудиями найдено большое количество медных украшений и других изделий, назначение некоторых из них не всегда ясно. Большинство предметов изготовлено из листовой меди с чеканным рисунком на них. В могильниках штата Джорджия обнаружены оригинальные медные изделия в форме женских фигурок. В могильниках Охайо найдены предметы из накладных медных пластин. Все это свидетельствует о значительном развитии техники обработки меди в данном районе. Некоторые ученые склонны объяснить это влиянием Мексики; предполагают также, что металл попадал сюда из области Великих озер, где обнаружены медные копи с примитивными орудиями, употреблявшимися при их разработке.

В древних шахтах были найдены каменные молоты весом до 13 кг, в одной из шахт сохранились деревянная лопата, чаша и лестница. Была открыта также шахта глубиной около 8 м, с уже добытым огромным куском самородной меди, поднятым почти на 2 м вверх по наклонным балкам, которые сохранились вместе с креплениями и клиньями¹.

¹ W. Holmes, *Aboriginal copper Mines of Isle Royale, Lake Superior*, «American Anthropologist», N. S., т. 3, N 2, Lancaster, 1901, стр. 684—696.

Эти сведения указывают на довольно интенсивную разработку меди в районе Великих озер.

В значительно меньших количествах использовалась медь в районе к северу и северо-востоку от Большого Медвежьего озера, населенной атапасками и эскимосами. По свидетельству известного канадского исследователя эскимосов Дженнеса, «в древних каменных домах на полуострове Виктория были найдены медные орудия, давность которых исчисляется несколькими столетиями»². Исследователи считают, что насельники этого района, так называемые медные эскимосы, были здесь первыми металлургами и обработка меди была заимствована у них атапаскским племенем татсанодене, называвшимся соседними племенами «желтые ножи» или «медные ножи». Ранние авторы называют их «медными индейцами» или «красными ножами». Эти обозначения, несомненно, свидетельствуют о наличии медных изделий у этих индейцев. От «желтых ножей» медные изделия попадали к чипеваям и другим атапаскским племенам. Медь в указанном районе была предметом оживленной торговли между племенами и употреблялась главным образом для изготовления орудий. Обрабатывали здесь только куски самородной меди, обнаруживаемые в долине реки Коппермайн. Медные эскимосы с побережья регулярно приходили сюда за медью и деревом. В отличие от района Великих озер, здесь не установлена разработка медных копей. Не было ее и у индейцев Северо-западного побережья. Этот район более беден медью, поэтому и металл здесь употреблялся в значительно меньших количествах и ценили его высоко. У аборигенов данного района медные изделия сохранялись почти до наших дней в виде своеобразных медных пластин, широко известных в этнографической литературе. Однако до сих пор недостаточно учитывалось общественное значение этого металла и его обработки в обществе индейцев Северо-западного побережья. Широко распространен еще взгляд, что медные изделия появились в этом районе после открытия его европейцами. Характерно, что в работе известного французского американиста Поля Риве³, посвященной изучению доевропейской металлургии у различных групп аборигенного населения обеих Америк, Северо-западное побережье вообще опущено.

Между тем многочисленные свидетельства первых мореплавателей, побывавших в этом районе в XVIII — начале XIX в., говорят о том, что медь была известна его насельникам до появления там европейцев.

Первое упоминание о меди встречается в дневнике Стеллера, участника экспедиции Беринга и Чирикова в 1741 г. Стеллер рассказывает, что кормчий Хитров видел деревянное индейское жилище, из него он взял «деревянную посудину ...камень, который, вероятно, служил точилом и на котором были видны следы меди от того, что дикие водили по нем режущими орудиями из меди, подобно сибирским народностям»⁴.

Г. Шелехов во время своего путешествия 1783—1787 гг. и штурманы его второй экспедиции (1788) Бочаров и Измайлов, наряду с костяными и каменными наконечниками стрел и копий, видели у тлинкитов и коняг медные и железные орудия⁵. Сообщения о медных изделиях у абори-

² D. Jennes, Indians of Canada, «National Museum of Canada», Bulletin 65, Ottawa, 1932, стр. 388.

³ P. Rivet et H. Arsandaux, La Métallurgie en Amérique précolombienne, «Travaux et Mémoires de l'Institut d'Ethnologie», XXXIX, Paris, 1946.

⁴ G. W. Steller, Tagebuch seiner Seereise aus dem Petripauls Hafen in Kamtschatka bis an die westlichen Küsten von America und seiner Begebenheiten auf der Rückreise, «Neue Nordische Beiträge», т. V., St. Petersburg, 1793, стр. 38—39.

⁵ «Путешествие Григория Шелехова с 1783 по 1790 гг.», СПб., 1812, ч. I, стр. 74; ч. II, стр. 51.

генов данного района содержатся также в описаниях испанских экспедиций Хуана Перес (1774), Кадра и Моррей (1779) ⁶, в «Путешествиях» Кука, Лаперуза, Диксона, Мирса и др.⁷

Дж. Мирс сообщает не только о виденных им в 1788—1789 гг. у индейцев залива Нутка медных наконечниках стрел и украшениях (ожерельях и запястьях), но и о кусках ковкой чистой меди, причем один из виденных им кусков меди весил около 500 г и использовался в виде молота. «Индеец, владевший им,— пишет Мирс,— на наши вопросы о происхождении этой меди дал нам понять, что он выменял его у одного народа, жившего к северу от них» ⁸. На этом основании Мирс предполагал наличие месторождений меди на побережье.

Особенно важное значение для выяснения вопроса о местном происхождении меди в исследуемом нами районе имеет сообщение П. Зайкова, штурмана судна «Александр Невский», относящееся к 1783 г. В дневнике П. Зайкова сообщается, что он и его товарищи видели у аборигенов медные копья, топоры и наконечники стрел и что передовщик судна Нагаев открыл устье р. Медной, по которой «чугачи ходят вверх байдарами и через 20 дней доходят до людей, живущих по берегам оной реки немалого числа... и торгуются, получают у них медь самородную, а иную находят и сами в горах штуками» ⁹. Это сообщение П. Зайкова подтверждалось последующими исследователями.

Лисянский и Литке свидетельствуют о том, что тлинкиты получали медь обычно от жителей р. Медной ¹⁰. «Отыскание Медной реки или места, где находят самородную медь, было всегдашним предметом Баранова», замечает Давыдов ¹¹. О наличии медных рудников на р. Медной сообщают также путешественники Херн и Макензи. В. Берх, чиновник Русско-Американской компании, в предисловии к своему переводу «Путешествий» Херна и Макензи, писал: «Буде Компании доставят средства заняться собиранием меди, то от оных может произойти большая польза; ибо медь составляет важную часть коммерции в Манилии, а у нас она в одной цене с золотом» ¹².

Русские промышленники и служащие Компании, узнав от американских аборигенов о наличии медных месторождений, предприняли ряд попыток к их открытию. Баранов неоднократно посылал своих людей на отыскание р. Медной (походы Самойлова, Ласточкина, Климовского, Григорьева), но неудачно, так как индейцы ревностно оберегали свои сокровища и большинство смельчаков, отправлявшихся на поиски, не возвращалось. Вернуться из такого путешествия удалось только двум служащим Компании — Семену Баженову (1803 г.) и Серебренникову

⁶ C. F. Newcomb, The Haida Indians, «Proceedings of the International Congress. of Americanists», т. XV, № 1, Paris, 1907, стр. 135.

⁷ J. Cook and J. King, A voyage to the Pacific Ocean undertaken by the Command of his Majesty, for making discoveries in the Northern Hemisphere, London, 1784—1785, т. II, стр. 332; «Voyage de La Pérouse autour du monde», Paris, 1798, т. II, стр. 152, 207; G. Dixon, A voyage round the world but more particularly to the Northwest Coast of America, London, 1789, стр. 188.

⁸ «Voyage de la Chine à la côte Nord-Ouest d'Amérique fait dans les années 1788 et 1789 par le capitaine J. Meares», Paris, 1895, т. II, стр. 339—340.

⁹ «Выписка из журнала штурмана Потана Зайкова, веденного на судне «Св. Александр Невский» в 1783 г., опубликована в работе: П. Тихменев, Историческое обозрение образования Российско-Американской компании, СПб., 1863, т. II, Приложения, стр. 5.

¹⁰ Ю. Ф. Лисянский, Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803—1806 гг., 2-е изд., М., 1947; Ф. П. Литке, Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин», 1826—1829, 2-е изд., М., 1948.

¹¹ «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова», СПб., 1810—1812, т. II, стр. 136.

¹² «Путешествия по Северной Америке, к Ледовитому морю и Тихому океану, совершенные господами Херном и Макенziem. Переведено с английского на острове Кадыке В. Берхом», СПб., 1808, стр. XI.

(1847). Берх по этому поводу сообщал: «Компания посылала одного из своих служителей (Семена Баженова) вверх по Медной реке для отыскания меди, и сам Баженов мне сказал, что он исходил в сих местах более 500 верст, был на реке, выпадающей из Медной, у народа Атна и на всем сем пространстве видел у каждого индейца медь»¹³. «По словам Баженова,— писал Лисянский,— на реке сей находится великое количество самородной меди, но обыватели тщательно скрывают места, где она собирается большими кусками»¹⁴. Привезенные Баженовым образчики меди «доказывают превосходство и богатство руды, находящейся большим количеством на поверхности земли»¹⁵.

Наличие меди в долине р. Медной было подтверждено позднейшими геологическими исследованиями. Академик Л. С. Берг, пользуясь данными этих исследований, писал: «Медь могла быть у обитателей бассейна р. Медной, где имеются богатые залежи меди и где нередко на поверхности земли попадаются самородки меди»¹⁶. Все эти сведения совершенно бесспорно устанавливают, что р. Медная была главным источником меди на побережье. Небольшие месторождения были открыты индейцами цимшиан в верховьях реки Насс, хайда находили медь на островах королевы Шарлотты, индейцы шусап — в небольшом озере Камлу, но залежей меди в этих местах было так мало, что она не удовлетворяла даже потребностей местного населения.

* * *

Медь была главным предметом торговли атапасков, населявших район медных месторождений на р. Медной, с индейцами побережья. В русских источниках они называются медновцами, атновцами, иногда атна, атнахмюты, атнахотана, медного поколения народ. Они-то и обегрели ревниво месторождения меди.

О том, что медь была одним из главных предметов обмена у жителей Северо-западного побережья, свидетельствуют все исследователи этого района. Наиболее ценными являются наблюдения К. Т. Хлебникова (одного из деятелей Российско-Американской компании), в записках которого сообщается, что тлинкиты чилкатского родоплеменного подразделения выменивали у племени кониан самородную медь, лисьи и собольи шкуры на ружья и порох, получаемые ими у русских. Племя кониан описывается им как отличное от тлинкитов как по образу жизни, так и по языку. «Тоен Сайгаках,— пишет Хлебников,— уверял, что народ сей имеет сношение через горы с медновцами и чугачкими обитателями и с ними бывали там чильхатские колюжи»¹⁷. Это сообщение К. Т. Хлебникова послужило, по-видимому, источником для Ф. П. Литке и В. Романова, приводящих это же свидетельство в своих трудах¹⁸, употребляя название «конлан» вместо «кониан».

В составленных Ф. П. Врангелем описаниях русских колоний находим указание на то, что у чугачей, угаленцев, колошей, кольчан и кенайцев «страна медновская славилась прежде медью»¹⁹. «Задолго до

¹³ «Путешествия..., совершенные господами Херном и Мякензием», стр. XIII.

¹⁴ Ю. Ф. Лисянский, Указ. раб., стр. 175.

¹⁵ Это писал анонимный автор статьи — «Мысли о путешествии, которое можно предпринять от р. Медной по сухому пути до Ледовитого океана и Гудзонова залива», напечатанной в журнале «Северный Архив», т. 17, СПб., 1825, стр. 133.

¹⁶ Л. С. Берг, Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, М.—Л., 1946, стр. 125.

¹⁷ «Записки о Америке К. Т. Хлебникова», «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана», вып. III, СПб., 1861, стр. 37.

¹⁸ В. Романов, О колюжах, или колошах, вообще, «Северный Архив», т. 17, 1825, стр. 26; Ф. П. Литке, Указ. раб., стр. 79.

¹⁹ Ф. П. Врангель, Обитатели северо-западных берегов Америки, «Сын Отечества», т. VII, 1839, стр. 52.

знакомства с европейцами и, следовательно, до знакомства с железом, — сообщает Холмберг, — или в последние десятилетия предыдущего столетия (XVIII.—Ю. А.) тлинкитам была известна техника обработки меди, которую они получали путем обмена от племен р. Медной»²⁰. А. Эрман, как и русские авторы, отмечает посредничество племен конлан в торговле медновцев с тлинкитами. «Колоши, впрочем, звали это племя (медновцев.—Ю. А.) алахтаны и в торговых отношениях с ними пользовались посредничеством другого племени, называемого ими конлан»²¹. Возможно, что «конлан» (кониан у Хлебникова) — искаженное тлинкитское название «гонана» («кунана» у Вениаминова²²), которым тлинкиты именовали атапасков. В пользу подобного толкования говорят приведенные выше сообщения К. Хлебникова.

Тлинкиты в свою очередь вели посредническую торговлю между атапасками и племенами побережья. Первенствующую роль в этой торговле играли тлинкиты чилкатского подразделения — ближайшие соседи внутриматериковых атапасков. А. Краузе подробно останавливается на посредничестве чилкатов сначала в торговле между племенами побережья и внутриматериковыми индейцами, позже в меховой торговле между последними и белыми скупщиками мехов²³.

По свидетельству Дж. Эммонса, чилкаты «ежегодно совершали несколько торговых походов пешком внутрь материка. Кроме того, на лодках они ездили в Якутат и скупали медь у жителей реки Медной»²⁴. Измайлов сообщает, что он встретил в Якутате большую партию чилкатцев во главе с их вождем Ильчаком²⁵. Племена цимшиан и хайда, жившие к югу от тлинкитов, покупали медь преимущественно у чилкатцев.

К северу от тлинкитов торговым пунктом был остров Нучек. По свидетельству Г. Давыдова и И. Петрова, индейцы реки Медной ежегодно приезжали на остров, «дабы продать привезенные меха и самородную медь»²⁶.

На атапаскское происхождение меди у индейцев побережья указывает также целый ряд индейских преданий. В одном из них рассказывается о встрече заблудившегося в лесу тлинкита с семьей атапасками (гонана). Тлинкит испугался их и убежал в лес. Атапаски присели у его костра и съели поджаренную им рыбу, но за это воткнули в землю столько стрел с медными наконечниками, сколько было палочек для поджаривания рыбы. Так впервые тлинкиты узнали об этом металле²⁷. В другом сказании сообщается, как чилкатский род Кизюча принял у себя пришедших к ним атапасков (гонана), взял у них медь и стал богат, а позже, поселившись в устье р. Медной, сосредоточил в своих руках торговлю медью²⁸. У хайда существует предание о том, что раньше медь была в стране хайда, но «ушла» на север²⁹. По представлениям

²⁰ H. Holmberg, *Ethnographische Skizzen über die Völker des Russischen America*, Helsingfors, 1856, стр. 308.

²¹ A. Erman, *Ethnographische Wahrnehmungen und Erfahrungen an den Küsten des Berings-Meeres*, «Zeitschrift für Ethnologie», т. II, 1870, стр. 386.

²² И. Вениаминов, *Записки об островах Уналашкинского отдела*, СПб., 1850, ч. III, стр. 27.

²³ A. Krause, *Die Tlinkit-Indianer*, Jena, 1885, стр. 186.

²⁴ G. Emmons, *Copper neck ring of southern Alaska*, «American Anthropologist», т. 10. № 4, Lancaster, 1908, стр. 191—196.

²⁵ «Путешествие Григория Шелехова...», ч. II, стр. 47.

²⁶ «Двукратное путешествие в Америку... Хвостова и Давыдова», ч. II, стр. 119; I. Petroff, *Report on the population, industries and resources of Alaska*, Washington, 1884, стр. 168.

²⁷ J. Swanton, *Tlingit Myths and Texts*, «39 Bulletin, Bureau of American Ethnology», Washington, 1909, стр. 155.

²⁸ Там же, стр. 160.

²⁹ J. Swanton, *Haida Texts and Myths*, «29 Bulletin Bureau of American Ethnology», Washington, 1905, стр. 346.

белла-кула, медь, вылавливается в виде лосося в устье неизвестной реки далеко на севере³⁰.

Первоначально медь, соболи и лисьи меха атапасков обменивались на продукты побережья: юколу, рыбий жир, шкуры морских животных и на раковины. С приходом русских и появлением европейских товаров тлинкиты стали выменивать атапаскскую медь на ружья, порох и другие товары. Вдоль побережья медь обменивали на рабов, челноки, покрытые резьбой деревянные ящики, плетеные изделия и деревянные блюда.

В связи с вопросом о распределении меди на побережье интересны свидетельства путешественников о большом спросе на медь среди жителей пролива Джорджия и западного побережья острова Ванкувер. Это объясняется, по-видимому, сравнительной отдаленностью живших здесь племен от р. Медной. Медь попадала сюда в незначительных количествах и, вероятно, по очень дорогой цене, которая, естественно, возросла по мере отдаления от места добычи меди. Поэтому купцы, заметив спрос на медь, завезли на побережье такое количество металла, что постепенно обесценили его.

* * *

Атапаски, населявшие долину р. Медной, по-видимому, и были первыми кузнецами и торговали преимущественно готовыми изделиями из меди. Об этом свидетельствует Врангель. «У всех сих народов,— пишет он,— страна медновская славилась прежде медью в ней находимой; туземцы выковывали из сего металла топоры, ножи, нагрудники для себя и в продажу угаленцам, колошам и другим соседям!»³¹. О торговле готовыми изделиями свидетельствует и Эммонс: «До прихода белых,— пишет он,— когда аборигены еще не имели железа, чилкаты и хуна каждое лето совершали длинные поездки в челноках в Якутат покупать у племени эйяк медь, обработанную в виде ножей, копий, украшений и медных пластин (tinne). В свою очередь чилкаты и хуна эти изделия продавали более южным племенам за кедровые челноки, ящики, продуктовые корзины и блюда»³².

Но были ли атапаски р. Медной единственными кузнецами? Утверждение Врангеля: «И теперь они единственные кузнецы, умеющие ковать железо, получаемое ими от русских, ни колоши, ни другие народы в колониях не знают сего искусства»³³,— как будто говорит об этом. Однако данные других исследователей показывают, что Врангель не совсем прав. Уже Лаперуз отмечал, что американцы Порты Франции³⁴ умели обрабатывать медь»³⁵. У Вениаминова мы находим указание на то, что тлинкитам была знакома техникаковки меди. «У колош есть и свои кузнецы, делающие копья, кинжалы и другие безделицы»,— писал он, указывая при этом, что первым кузнецом «был не мужчина, но чилкатская женщина, которую называли благодаря ее искусству «Шукассака», что значило — полумужчина»³⁶. Холмберг и Петров, приводящие эту же легенду, указывают, что Шукассака была почитаема тлинкитами как своего рода божество — покровительница искусства обработки меди. По мнению указанных авторов, это искусство было известно аборигенам

³⁰ T. Mc Ilwraith, *Bella Coola Indians*, Toronto, 1948, т. I, стр. 254.

³¹ Ф. П. Врангель, Указ. раб., стр. 52.

³² G. Emmons, *Meeting between La Pérouse and Tlinkits*, «*American Anthropologist*», т. 13, № 2, Lancaster, 1911, стр. 297.

³³ Ф. П. Врангель, Указ. раб., стр. 52.

³⁴ Залив Льюта, названный Лаперузом Порт Франции.

³⁵ «*Voyage de La Pérouse...*», т. II, стр. 207.

³⁶ И. Вениаминов, Указ. раб., ч. III, стр. 112.

задолго до их встречи с европейцами³⁷. По свидетельству Вениаминова, тлинкитскими кузнецами были преимущественно вольноотпущенники из колумбийцев.

От чилкат это искусство распространилось к другим племенам, но в очень незначительных размерах и всюду хранилось как наследственная семейная тайна. Согласно одной из легенд цимшиан, обработка меди была известна и этому племени. В легенде описывается техника обработки меди, переданная как сверхъестественный дар сына солнца мужу своей младшей дочери от брака его с индеанкой, носившей имя Луны. Сын солнца сообщил зятю о месторождениях меди на Медном ручье в верховьях реки Скина. Зять поймал в указанном ему месте большого лосося и, бросив его на берег, услышал звон меди и увидел, что лосось превратился в медь. Укладываясь на ночь, индеец положил лосося-медь под голову, а на утро его нашли мертвым. «Живая медь убила его», сказал мудрейший из присутствовавших. Люди решили убить «медь». Они развели большой костер, бросили лосося-медь в огонь. Когда прогорели дрова, они нашли в золе чистую мягкую медь в виде жгута. В легенде далее рассказывается, что с помощью чудодейственной силы солнце-тесть воскрешает убитого «живой медью» зятя и говорит собравшимся в его доме: «Остерегайтесь живой меди с этого ручья. Не допускайте туда никого, кроме моего зятя и его потомков. Я научу их, как убивать живую медь и как делать из нее дорогие пластины. Он должен затем научить этому своих детей». Тесть отзывает в сторону зятя и свою дочь и учит их технике обработки меди: «Как только вы поймаете медного лосося или живую медь, разведите большой костер и бросьте весь улов в огонь; возникающие при этом газы не повредят вам, наоборот, они сделают вас богаче всех вождей на свете».

В легенде подчеркивается, что добыча и обработка меди должны быть сугубо семейной тайной, которую нельзя открывать ни сородичам, ни соплеменникам. Обладателям тайны дается совет есть смолу белой сосны и натирать ею лицо и руки перед тем, как брать живую медь; это — своего рода средство против вредного действия газов, возникающих при обработке меди. Легенда заканчивается тем, что зять этого сверхъестественного существа становится первым ковалем меди, богатым из богатейших и первым вождем среди племен³⁸.

Эта легенда цимшиан перекликается с легендой квакиютлей о кузнеце меди, получеловеке — полубожестве, живущем в подводном царстве на «Медном дне», где-то на севере. Богатства его несметны: дом и все в доме у него медное, свое имя Тляквагила («коваль меди») он вместе с медными изделиями, домом и челноком также передает своему зятю³⁹. Тляквагила — наследственное имя вождя самого почетного рода квакиютлей — рода Солнца.

Характерно, что в легендах квакиютлей медь приобретает только сверхъестественным путем и всегда в форме готовых изделий. То к герою является таинственный челнок весь из меди, из которого герой тайком делает затем медные пластины, то герой попадает в подводное царство «коваля меди» и последний награждает его медным челноком, наполненным медными пластинами и медными веслами. Если мать изготавливает медные лук и стрелы для своего необыкновенного сына — очень частый сюжет в фольклоре квакиютлей, — то всегда материалом для этого служат ее браслеты. Вместе с тем совершенно отсутствуют указания на самородки меди. Это несомненно говорит о том, что квакиютли выменивали уже готовые изделия. Об этом же свидетельствует и то, что

³⁷ Н. Holmberg, Указ. раб., стр. 308; I. Petroff, Указ. раб., стр. 168.

³⁸ F. Boas, Tsimshian Mythology, «31st Annual Report Bureau of American Ethnology», Washington, 1916, стр. 303—306.

³⁹ F. Boas and G. Hunt, Kwakiutl Texts, I, «Publications of the Jesup North Pacific Expedition», Leiden, 1902, стр. 83—85.

ни в одной легенде квакиютлей, рассказывающей о передаче медного челнока в медные пластины или браслетов — в луки и стрелы, не описывается самый процесс производства, хотя имя Тлякватиг могло бы служить указанием на то, что им была знакома обработка меди.

В легендах хайда, непосредственно связанных с тлинкитами, прямо говорится о приобретении медных изделий от последних.

Сведения о самой технике обработки меди на побережье вообще очень скудны. Но проделанный Эрманом анализ медных изделий тлинкитов и чугачей убедил его в том, что сделаны они из кусков самородной меди, без плавки металла, путем холоднойковки при помощи каменных молотов. Для шлифовки, полировки и придания изделиям блеска пользовались точильным камнем и кожей рыбы. Он указывает далее, что позже «железо обрабатывалось таким же образом, здесь терпение заменяло несовершенство метода обработки»⁴⁰.

Об этой технике говорят и русские источники. Измайлов сообщает, что жители Якутата сами ковали свои кинжалы и острия копий на камне⁴¹. Лисянский, описывая тлинкитскую медную пластину, указывает, что она была выкована или вытянута из куска самородной меди⁴². На эту же технику указывается в легенде белла-кула о «медном лососе», где говорится, что пойманного лосося бьют на камне до тех пор, пока он не превратится в медь⁴³. Характерно, что в языке квакиютлей слова «ударять» камнем и «ковать» обозначаются одним словом «lek'a»⁴⁴.

По свидетельству Эммонса, самородки меди перед ковкой размягчались на огне. Он приводит следующее описание процессаковки: «Самородок меди раскаляли докрасна, чтобы он был мягок, после чего поворачивали его ковке от концов к середине. Затем его снова нагревали и обрабатывали таким же образом, толькоковка теперь шла вдоль краев». Эти процессы повторяли до тех пор, пока не достигали желаемой толщины листа»⁴⁵.

Дальше этого индейцы побережья в развитии медной промышленности пошли. Несомненно, что только так могли обрабатывать металл лучшими каменной техникой. Известно, что и медные эскимосы и индейцы племен «медных ножей», жившие к востоку и северо-востоку от Большого Медвежьего озера, обрабатывали медь при помощи обычных каменных молота, топора и ножей⁴⁶.

Обнаруженные Куком у нутка украшения из сплава, похожего на бронзу, по всей вероятности были импортными.

* * *

Медь служила материалом для изготовления оружия, орудий, браслетов, ожерелий, масок, трещоток, украшений для ушей и носа. В оружии чаще всего упоминаются медные кинжалы, которые носили на ножнах, подвешенных к шее на ремне. Измайлов сообщает о виденных им у тлинкитов медных кинжалах⁴⁷.

⁴⁰ A. E r m a n, Указ. раб., стр. 285—391.

⁴¹ «Путешествие Григория Шелехова...», ч. II, стр. 51.

⁴² Ю. Ф. Лисянский, Указ. раб. стр. 153.

⁴³ V. G a r f i e l d and L. F o r r e s t, The Wolf and the Raven, Seattle, 1948, стр.

⁴⁴ F. B o a s, Ethnology of the Kwakiutl. «35-th Annual Report Bureau of American Ethnology», Washington, 1921, стр. 1433.

⁴⁵ G. E m m o n s, Copper neck ring of Southern Alaska, стр. 648—649.

⁴⁶ D. J e n n e s, Указ. раб., стр. 36.

⁴⁷ «Путешествие Григория Шелехова...», ч. II, стр. 51.

Упоминания и описания медных кинжалов встречаются в работах почти всех путешественников и исследователей, побывавших на Северо-западном побережье⁴⁸. Как свидетельствуют эти материалы, кинжалы из меди были двух родов: двухсторонние — с клинками на обоих концах и рукояткой, находящейся ближе к короткому клинку, и односторонние. Их считали дорогим наследственным оружием в роде, и на их рукоятках изображали родовые тотемы. В этом отношении они напоминали европейское фамильное оружие эпохи феодализма. Характерное описание одного из кинжалов хайда приведено у А. Макензи. «История этого кинжала, — пишет он, — была известна в течение 2—3 поколений, он переходил по наследству от одного вождя к другому, но его настоящее происхождение было не ясно»⁴⁹.

У индейцев лиллуэт, по свидетельству Тейта, медные кинжалы ценились больше за редкость, чем за их действенность⁵⁰. Позже такой

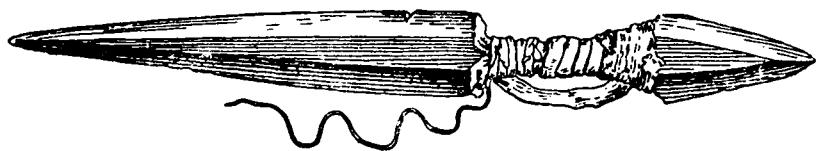

Рис. 1. Тлинкитский железный кинжал (из коллекций Музея антропологии и этнографии АН СССР)

же формы кинжалы изготовлялись из железа и стали, быстро вытеснившие из употребления медные. В тлинкитских коллекциях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР хранятся образцы только железных кинжалов (рис. 1).

Во время нашей экспедиции к квакиютлям с проф. Ф. Боасом в 1930—1931 гг. мы видели деревянные кинжалы, которыми индейцы пользовались при обрядовых плясках. Индейцы рассказывали нам, что раньше подобные кинжалы изготовляли из меди, потом из железа, а теперь копии их делают из дерева, и они имеют лишь обрядовое значение.

Публикации путешественников и фольклор дают обширный материал о медных наконечниках стрел и копий. Сказочные герои ряда индейских легенд имеют медные лук и стрелы. «Когда жители вели между собой войну, то вооружались большими луками наподобие аляскинских и стрелами с аспидными и медными носками», — писал Лисянский⁵¹. О медных наконечниках стрел упоминает также Давыдов⁵². Свидетельства путешественников подтверждаются позднейшими наблюдениями в трудах Краузе, Ниблака, Боаса, Суантона. У Шелехова и П. Зайкова упоминаются медные копья⁵³.

⁴⁸ «Voyage de La Pérouse...», ч. II, стр. 11, 172; G. Dixon, Указ. раб., стр. 188; A. Erman, Указ. раб., стр. 317, 325, 386, 387; И. Вениаминов, Указ. раб., ч. III, стр. 114; A. Krause, Указ. раб., стр. 186; G. Emmons, Copper neck ring of Southern Alaska, стр. 645.

⁴⁹ A. Mackenzie, Descriptive notes on certain implements, weapons, etc. from Graham Island, Queen Charlotte Islands, B. C., «Proceedings and Transactions of Royal Society of Canada», IX, Montreal, 1892, стр. 50.

⁵⁰ J. Teit, Lillooet Indians, «Memoirs of the American Museum of Natural History», т. IV, New York, 1906, стр. 204.

⁵¹ Ю. Ф. Лисянский, Указ. раб., стр. 185.

⁵² «Двукратное путешествие в Америку... Хвостова и Давыдова...», стр. 136.

⁵³ «Путешествие Григория Шелехова...», ч. I, стр. 74; «Выписка из журнала штурмана Потана Зайкова...», стр. 5.

Что касается медных орудий, то о них нам во всей литературе удалось встретить только три упоминания, наиболее ранними из которых являются приведенное выше сообщение П. Зайкова о медных топорах и описание Мирсом молота из медного самородка. Лисянский описывает виденную им «пекулку — род медной сечки»⁵⁴. В легендах квакиютлей встречаются упоминания о медном ноже и гребне. В одной из легенд говорится о медном барабане. В тлинкитской легенде о Вороне говорится о медном котле в форме ящика, который наполнили водой и поставили на огонь, одновременно опуская в него раскаленные камни⁵⁵, как это делали при варке пищи в деревянных ящиках.

Такая скудость сведений о медных орудиях и утвари не случайна. Вследствие мягкости металла медные изделия не могли вытеснить каменные и костяные орудия и играли по сравнению с ними второстепенную роль. Они были скорее дорогой редкостью. С появлением железа использование меди для выделки орудий производства и оружия было окончательно вытеснено.

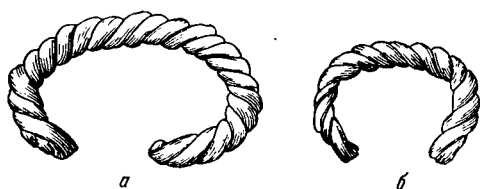

Рис. 2. Медные браслеты: а — ножной; б — ручной (по кн.: P. E. Goddard, *Indians of the Northwest Coast*, N. Y., 1924)

Более широко использовалась медь для изготовления украшений: ожерелий, браслетов и инкрустации оружия, утвари, скульптур. Диксон описывает медные ожерелья хайда⁵⁶. Путешественники Херн и Макензи дают следующее описание украшений тлинкитов: «Большая часть украшений, как то: серьги, ожерелья, браслеты на руки и ноги, всё медь... медь большими кусками... Мы видели женщину, в нижней губе которой был вставлен кусок меди»⁵⁷. Ниблак в своей работе приводит изображение нескольких медных браслетов и ожерелий индейцев хайда, цимшиан и квакиютлей⁵⁸. Все они представляли собой согнутые в кольца жгуты скрученные из двух медных полос (рис. 2). Макензи приобрел у хайда острова Грахам одно ожерелье, которое являлось наследственной семейной драгоценностью и, согласно связанной с ним легенде, было сделано из меди, привезенной с Аляски⁵⁹.

Эммонс, специально изучавший медные ожерелья, пишет: «Медные ожерелья надевались вождями во время празднеств. Они были не только украшением, но и являлись признаком богатства и высокого ранга. Они имели то же значение, что и медные пластины и накидки чилкат... Это самые редкие изделия из меди на Северо-западном побережье». Эммонс приводит сообщение Ньюкомба о том, что у хайда островов королевства Шарлотты он видел только четыре ожерелья, которые передавались из поколения в поколение⁶⁰.

⁵⁴ Ю. Ф. Лисянский. Указ. раб., стр. 173.

⁵⁵ J. Swanton, *Tlingit Myths and Texts*, стр. 119.

⁵⁶ G. Dixon, Указ. раб., стр. 237—239.

⁵⁷ «Путешествия... совершенные Херном и Мякензием...», стр. 51, 53.

⁵⁸ A. P. Niblack, *The Coast Indians of Southern Alaska and Northern British Columbia*, «Annual Report of the United States National Museum for 1888», Washington 1890, табл. VI.

⁵⁹ A. Mackenzie, Указ. раб., стр. 51.

⁶⁰ G. Emmons, *Copper neck ring of Southern Alaska*, стр. 647.

Диксон описывает тлинкитскую губную втулку из дерева середина которой была инкрустирована маленькой перламутровой раковиной, а вокруг нее шел медный ободок⁶¹. В большом употреблении были также маленькие медные пластинки (длиной 2—6 см, шириною 1—2 см); ими обшивали подол обрядового передника вождя и его детей, надевавшегося в торжественных случаях. Описания такого передника читаем у ряда ранних авторов. Еще в 1930 г. мы видели такой передник у индейки племени квакиютль, дочери Георгия Хонта в Форте Руперт.

Легенды племен также дают богатый материал о медных украшениях. Носят их неизменно только вожди, их жены и дети⁶². Ожерелья обычно носят мужчины, а женщины — браслеты. Поэтому родители в легендах индейцев узнают своих сыновей, превратившихся в лососей, волков или в другие зооморфные формы, по медному ожерелью, которое они носили, будучи людьми.

Многочисленные свидетельства указывают на то, что медные украшения были редкой наследственной драгоценностью семей вождей, знатных и богатых индейцев, своеобразной эстетической формой сокровища. С приходом европейцев медные украшения были вытеснены серебряными и золотыми.

Иногда медь употребляли для изготовления тотемных масок или для их инкрустации. Вениаминов описывает тотемный костюм тлинкитского рода Волка, состоявший из волчьей шкуры с хвостом и лапами и медной головы⁶³. В одной из легенд этого же племени описывается головной убор рода Кижучь, изображавший ворона; клюв и хвост были сделаны из меди, а вместо крыльев прикреплены медные пластины⁶⁴.

* * *

Однако из всех медных изделий на побережье больше всего ценили оригинальные, похожие на нагрудные щиты медные пластины. Первое и подробное описание такого рода пластин встречаем у Ю. Ф. Лисянского. «Из всех трофеев его (Баранова.— Ю. А.), — пишет он, — самой важной и особенного внимания заслуживающей была доска (род щита), выкованная или вытянутая из самородной меди, найденной на так называемой Медной реке. Длинной доска сия в 3 фута [91 см], шириною внизу 1 фут 10 дюймов [56 см], а вверх 11 дюймов [28 см]⁶⁵, на внешней поверхности оной нарисованы некоторые изображения. Таковых досок, по редкости и дороговизне своей, никто, кроме людей богатых, иметь не в состоянии, ибо каждая из них стоит от 20 до 30 бобров. Говорят, что при праздничных обрядах носят их перед хозяевами, а иногда бьют по оным для произведения звука вместо музыки. Впрочем, вся важность таковых досок состоит в самородной меди, потому что за такую доску, из нашего металла сделанную, не дают более одного бобра»⁶⁶. Характерно, что до Лисянского ни в одном из описаний путешественников не встречаем даже упоминаний о медных пластинах⁶⁷. Якобсен, посетивший побережье значительно позже Лисянского, подробно описывает медные пластины индейцев хайда. «В домах хайда, — пишет

⁶¹ G. Dixon, Указ. раб., стр. 237.

⁶² J. Swanton, Haida Texts and Myths, стр. 26, 182, 196, 336; F. Boas, Kwakiutl Tales, «Columbia University contributions to Anthropology», т. 2, Leiden—New York, 1910, стр. 13, его же Ethnology of the Kwakiutl, стр. 937 и др.

⁶³ И. Вениаминов, Указ. раб., ч. III, стр. 104.

⁶⁴ J. Swanton, Tlingit Myths and Texts, стр. 161.

⁶⁵ На самом деле более широкий конец считается верхом медной пластины.

⁶⁶ Ю. Ф. Лисянский, Указ. раб., стр. 153—154.

⁶⁷ Отсутствие упоминаний о медных пластинах могло быть следствием того, что у нутка их не было, а у более северных племен их показывали только на потлачах, из путешественников же очень немногие были свидетелями этих празднеств.

он,— я заметил много экземпляров своеобразной формы медных пластин, которые уже с давних времен играли роль в торговых отношениях северо-западных индейцев. Это были похожие на четырехугольный щит пластины, снабженные примитивным орнаментом; как рассказывают, вес некоторых из них достигал 10 кг. Я видел одну такую медную пластину, которая оценивалась в 1700 шерстяных одеял»⁶⁸.

Размеры пластин колебались от 18—20 см до 1 м 30 см в высоту, нижний прямой край пластины всегда был несколько уже верхнего — закругленного. Посредине пластины выгибался Т-образный знак, по-

Рис. 3. Медная пластина цимшиан (по работе: F. Boas, *Tsimshian Mythology...*)

перечное ребро которого делило пластину на верхнюю и нижнюю части, продольное же ребро в свою очередь делило нижнюю часть пластины на две половины. Этот знак составлял как бы остов пластины и назывался у хайда «позвоночником медной пластины». Он считался самой ценной ее частью и, как сообщал Макензи, «выковывался в процессе изготовления доски своеобразным методом, известным только очень квалифицированным мастерам. Толщина его должна была соответствовать толщине всей доски, если же она оказывалась тоньше, то ценность пластины падала и она даже считалась поддельной»⁶⁹. Сторона, на которой этот знак образовывал два выпуклых ребра, считалась лицевой, и ее чернили графитом. На этой черной поверхности изображали тотемные знаки владельца пластины (рис. 3). Верхняя часть ее называлась лицом

⁶⁸ «Captain Jacobsen's Reise nach der Nordwestküste Americas», Leipzig, 1884 стр. 31.

⁶⁹ A. Mackenzie, Указ. раб., стр. 53.

и на ней характерным для искусства этого района стилем изображали голову тотемного животного, на нижней же части, называвшейся «задней частью», наносили конечности тотема. Очень часто тотемные знаки наносили только на верхнюю часть пластины.

Изображали наиболее распространенных здесь тотемных животных. Макензи свидетельствует, что у хайда «знаки на верхней части медных пластин представляли собою изображения медведя, орла, ворона, кита»⁷⁰, которые, как известно, были главными тотемами хайда.

Но были пластины, и не имевшие изображений.

Каждая пластина имела свое имя. Среди имен, которые Боас приводит для 16 медных пластин квакиютлей, имевшихся в Форте Руперт в 1893 г., встречаем: «Кижучь», «Морской лев», «Голова бобра», «Кит» и др. Эти названия указывают на животных, являющихся тотемами родов квакиютлей, они, несомненно, соответствовали изображенным на пластинах знакам.

Но наряду с ними Боас приводит наименования, указывающие на ценность медных пластин, например: «Всеми другим пластинам стыдно взглянуть на нее» или «Очищающая дом от богатств» и т. д.⁷¹. Такой же характер носят некоторые из названий медных пластин хайда, например: «Медь, обкрадывающая всех людей», «Медь, похожая на облако», «Медь, стоящая прямо», «Медь, которую надо мерить»⁷². Все эти описательные имена, вероятно, позднего происхождения. Весьма вероятно, что это были наименования пластин, не имевших родовых тотемных изображений и принадлежавших индейцам, не имевшим наследственных родовых привилегий, одной из которых считалось право изображать знаки родового тотема.

Происхождение щитообразных медных пластин до сих пор остается загадкой. В вооружении самих индейцев побережья подобной формы щитов не было, не было в их быту и других предметов, в какой-либо мере напоминавших форму пластин. Нам представляется возможным искать происхождение медных пластин у атапасков реки Медной, тем более, что на это имеются прямые указания в литературе.

Так, Врангель, как мы видели выше, отмечал, что «жители страны медновской выковывали из меди, наряду с топорами и ножами, нагрудники для себя и в продажу угаленцам, колошам и другим соседям»⁷³. Не являются ли медные пластины этими «нагрудниками» или нагрудными щитами атапасков? Интересно также свидетельство Макензи, что «первоначально это доски ввозили из северной Аляски, где их, по традиции, изготовляли из самородков меди, находимых в текущей там реке»⁷⁴. Якобсен прямо указывает, что медные пластины изготовлялись раньше на р. Медной и на р. Стахин на Аляске⁷⁵. Суантон, посвятивший много

Рис. 4. Деревянная скульптура индейца квакиютль с медным щитом у груди (по кн.: Th. Drucker, *Indians of the Northwest Coast*, N. Y., 1955)

⁷⁰ Там же.

⁷¹ F. Boas, *The social organization and secret societies of the Kwakiutl Indians*, «Annual Report of the United States National Museum for 1895», Washington, 1897, стр. 344.

⁷² A. Mackenzie, *Указ. раб.*, стр. 52.

⁷³ Ф. П. Врангель, *Указ. раб.*, стр. 52 (разрядка наша.— Ю. А.).

⁷⁴ A. Mackenzie, *Указ. раб.*, стр. 52.

⁷⁵ «Captain Jacobsen's Reise...», стр. 31.

трудов детальному изучению культуры тлинкитов и хайда, говоря о медных пластинах, свидетельствует об этом же⁷⁶.

Барбо сообщает, что один из родов цимшиан имел в качестве родового знака медную пластину. Согласно преданию этого рода, медные пластины были захвачены у охотников внутренней части материка⁷⁷. Дрюккер также отмечает, что медные пластины были «привозными у всех племен. Местного производства они были только у хайхаис и чилкатцев»⁷⁸. Все эти свидетельства бесспорно указывают, что медные пластины попали к индейцам Северо-западного побережья от атапасков внутренней части Аляски. Чрезвычайно интересен в этом отношении термин, которым тлинкиты обозначают медные пластины. Медь по-тлинкитски — «eq», а медные пластины — «tinneh» (тинне). Известно, что атапаскские племена бассейна р. Макензи и внутренней Аляски называли себя «тинне», или «дене». Возможно, что тлинкиты закрепили за медными пластинами общее племенное название их первоначальных кузнецов. У квакиютлей же медь и медные пластины называются одинаково — L'aq, откуда можно заключить, что к ним медь попадала уже в виде готовых изделий. Самый характер демонстрации медных пластин на потлачах прижатыми к груди индейцев можно рассматривать как свидетельство их происхождения от нагрудников (рис. 4). Но, попав на Северо-западное побережье, они приобрели совершенно своеобразное значение сокровища. Возможно, что происхождение медных пластин может быть прослежено дальше в глубь североамериканского материка и в глубь истории. Известно, что медные нагрудники представляют собою характерные находки для средней фазы лесного периода (Woodland I) в археологии средневосточной полосы США.

Каждая пластина имела свою историю, вплетенную в генеалогическую легенду рода. Чем древнее она была, тем дороже она ценилась. Первоначальная стоимость медной пластины определялась ее высотой (чем она была выше, тем дороже), отдаленностью от места производства, а также тем, из какой меди — местной или импортной — она была сделана. Стоимость выражалась в мехах и рабах, игравших роль товарных эквивалентов до того, как европейская торговля заменила их фабричными шерстяными одеялами, ставшими всеобщим товарным эквивалентом у жителей побережья. Суантон отмечает, например, что у тлинкитов только что сделанная пластина стоила 4—6 рабов⁷⁹. Согласно фольклорным и этнографическим источникам, у хайда медные пластины стоили в среднем 10 рабов⁸⁰. Макензи приводит стоимость трех виденных им у этого племени старинных медных пластин: одна оценивалась в 10 рабов; вторая — 10 рабов+2 большие лодки+1 обрядовый головной убор; третья — 8 рабов+1 большая лодка+100 оленьих кож+80 ящиков рыбьего жира⁸¹. У цимшиан медная пластина стоила 15—20 рабов⁸². Боас приводит сведения о стоимости медных пластин у квакиютлей. Одна из них оценивалась в 10 рабов+10 челноков+10 накидок из куниц⁸³. К середине XIX в. стоимость медных пластин стала исчисляться в шерстяных одеялах. О соотношении между одеялами и прежними товарными

⁷⁶ J. Swanton, Social conditions, beliefs and linguistic relationships of the Tlingit Indians, «26-th Annual Report Bureau of American Ethnology», Washington, 1908, стр. 437.

⁷⁷ M. Barbeau. Totem poles of the Gitksan, «Bulletin № 61 National Museum of Canada», Ottawa, 1929, стр. 63.

⁷⁸ Ph. Drucker, Culture element distribution. Northwest Coast, «University of California Anthropological Records», № 9, ч. III, Berkeley, 1950, стр. 204—205.

⁷⁹ J. Swanton, Social conditions, beliefs and linguistic relationships of the Tlingit Indians, стр. 437.

⁸⁰ A. Dawson, Report on the Queen Charlotte Islands, London, 1880, стр. 135; J. Swanton, Haida Texts and Myths, стр. 261, 319, 364.

⁸¹ A. Mackenzie, Указ. раб., стр. 53.

⁸² V. Garfield and L. Forrest, Указ. раб., стр. 50.

⁸³ F. Boas, Kwakiutl Tales, стр. 87.

эквивалентами можно судить по сообщению Макензи, отметившему, что за одну медную доску давали 10 рабов или 1000 одеял⁸⁴.

Стоимость медной пластины изменялась в зависимости от количества раздаренного имущества на потлачах, где она демонстрировалась. Уровень развития производительных сил у индейцев Северо-западного побережья уже обеспечивал возможность производства прибавочного продукта, который путем обмена обращался в рабов, меха, лодки, раковины денталия, позднее в фабричные шерстяные одеяла, составлявшие богатства индейцев. Использование рабского труда и развитие торговли благоприятствовали накоплению богатств. Здесь мы имеем яркое подтверждение мысли К. Маркса, что рабство «стоит в прямой связи с производством богатства»⁸⁵. Но в обществе индейцев Северо-западного побережья еще не создались условия для использования прибавочного продукта на расширение производства. Круг потребностей оставался прежним. Он ограничивался возникшим у индейцев стремлением к собиранию сокровищ. В то же время еще сильны были общинно-родовые традиции, не допускавшие сосредоточения богатств в руках отдельных собственников, все накопленное имущество подлежало перераспределению на потлачах. Только отказавшись от богатства, индеец признавался богатым. Таким образом, потлач был способом перераспределения богатства. В нем проявлялось своеобразное отношение к собственности, характерное для переходного этапа от общества доклассового к обществу, основанному на частной собственности. Проникновение на побережье скупщиков пушнины сперва вызвало временный подъем в экономической жизни аборигенов. Оживление торговли создало большие возможности для накопления сокровищ. Приобретение железных орудий и огнестрельного оружия стимулировало развитие местного производства. Большой спрос на пушнину вызывал стремление к увеличению ее поставок путем расширения использования рабского труда. В это время наблюдается увеличение числа рабов и усиление их эксплуатации.

Этот период роста индейского богатства характеризуется расцветом института потлача. С этим институтом было связано общественное значение медных пластин. На потлачах собственники раздариваемых богатств появлялись перед гостями с медной пластиной, прижатой к груди. Раздариваемое же имущество объявлялось как номинальная стоимость демонстрируемой медной пластины. Таким образом, в ней как бы фиксировалась стоимость отчуждаемого через потлач богатства.

Приводимая исследователями этого района стоимость медных пластин в конце XIX в. показывает, каких сказочных по тем условиям размеров достигало состояние отдельных индейцев. Боас, например, сообщает, что стоимость одной пластины квакиютлей выражалась в 9000 одеял + 50 лодок + 60 одеял, расшитых перламутровыми луговицами, + 260 серебряных браслетов + 70 пар золотых серег + 40 швейных машин + 26 фонографов + 50 деревянных масок. Владелец этого богатства говорит собравшимся гостям: «Все эти ничтожные вещи я собираюсь дать моему сыну — Ковалю меди»⁸⁶. Этим он выражал свое презрение к богатству. Здесь мы видим яркий пример той первой, естественно выросшей формы богатства, которая, по словам Маркса, «заключается... во владении такими продуктами, потребительная стоимость которых находится за пределами первых необходимых потребностей»⁸⁷.

Медные пластины были особым товарным эквивалентом, уже не имевшим потребительной стоимости. Фактическая их стоимость к кон-

⁸⁴ А. Макензи, Указ. раб., стр. 52.

⁸⁵ К. Маркс, Конспект книги Л.-Г. Моргана «Древнее общество», Архив Маркса и Энгельса, т. IX, Л., 1941, стр. 48.

⁸⁶ F. Boas, Kwakiutl Ethnology, стр. 1352.

⁸⁷ К. Маркс, К критике политической экономии, М., 1949, стр. 123.

цу XIX в., как отмечает Боас, была «равна нулю», но они представляли огромные по местным условиям богатства, розданные их владельцами на потлачах. Они были общественным выражением превращенного в богатство излишка потребительных стоимостей, своеобразной формой сокровища, сложившейся в недрах разлагающегося родового общества. В силу этого указанные сокровища отражали черты общества, в котором они зародились, и в то же время знаменовали собой развитие новой формации, основанной на имущественном неравенстве. Медные изделия фактически были уже частной собственностью родовой верхушки,

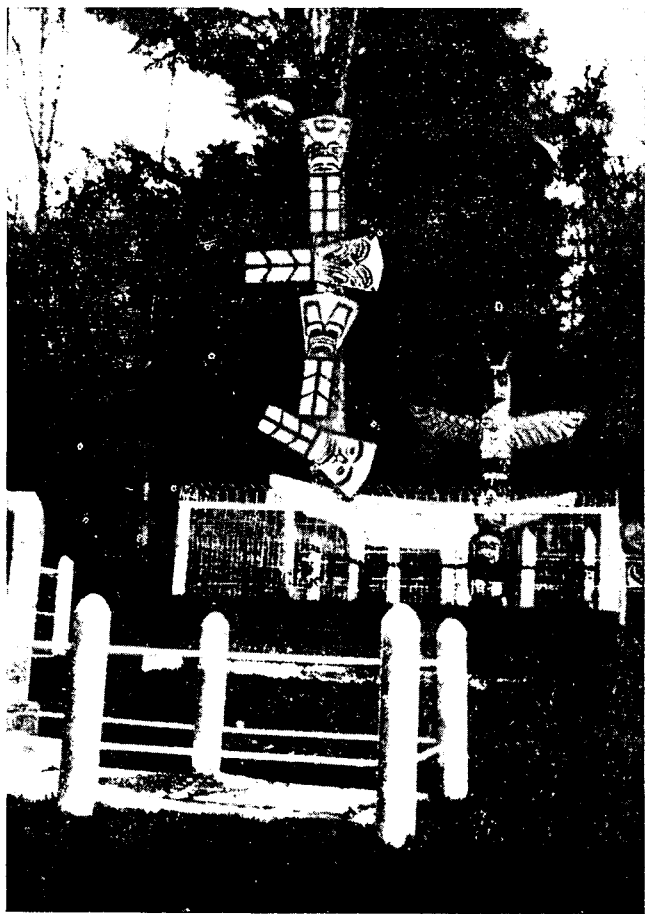

Рис. 5. Намогильный столб индейца-квакиютль с прибитыми к нему деревянными щитами, заменившими медные
(Фото автора)

но внешне они носили еще характер собственности, освященной тотемно-родовой традицией.

Названия пластин и изображенные на них знаки связывали их с культом родовых тотемов. Они считались неотчуждаемой собственностью рода и наследовались по женской линии и поэтому были частью приданого дочерей.

Обрядовая «купля» и «продажа» медных пластин на потлачах у квакиютлей, хорошо описанная Боасом, показывает, что в результате «купли» медная пластина фактически переходила по женской линии через зятя⁸⁸. Это особенно ясно из описанной «купли» медных пластин

⁸⁸ F. Boas, The Social organization and secret societies of the Kwakiutl Indians, стр. 344.

в работе К. Форда⁸⁹. Думается, что действительная торговля медными пластинами — явление позднее, возникшее после появления европейской меди на побережье, и объектами этой купли — продажи были пластины, изготовленные из европейской листовой меди; наряду с ними пластины из местной меди оставались неотчуждаемой семейно-родовой собственностью. Пластины же из импортной меди стали играть роль платежного средства. Более широкий круг индейцев стал обладателем медных пластин. В этот же период могла возникнуть и практика разламывания медных пластин, бросания их в море, в огонь, как способ соперничества между наследственной родовой верхушкой и обогатившимися индейцами, не имевшими наследственных прав. Обесцененные пластины прикреплялись к столбам домов, тотемным и надгробным столбам знатных индейцев. В связи с изъятием медных пластин у индейцев канадским правительством пластины были заменены их деревянными изображениями. В 1930—1931 гг. мне удалось сфотографировать несколько таких надгробных памятников (рис. 5).

О значении медных пластин в экономике индейцев Северо-западного побережья высказывалось несколько гипотез. В науке довольно широко распространено представление о медных пластинах как своеобразной форме денег. Этому взгляда придерживался Эммонс⁹⁰. Адам называл их денежными суррогатами⁹¹, Дави⁹² отождествлял их с деньгами. Против подобного толкования роли медных пластин высказал совершенно справедливое соображение канадский ученый Мак Ильрет. «Они не являются также стандартными единицами торговли или денег, — пишет он, — так как стоимостью каждой пластины изменялась в различные периоды ее истории»⁹³. Боас сопоставил их роль с «банкнотами высокой ценности в нашем (капиталистическом. — Ю. А.) обществе»⁹⁴. Близок к этой интерпретации и Мак Ильрет, считающий возможным охарактеризовать медные пластины «как форму капиталовложения»⁹⁵. Точки зрения Боаса и Мак Ильрета ошибочны, так как сближают первобытно-общинные в основном отношения с буржуазной системой капиталовложений, которых у индейцев по существу еще не было, — все их богатство раздалось на потлачах. Ближе всего к истинному пониманию значения медных пластин подошел Ниблак, назвав их «символами богатств»⁹⁶. Действительно, медные пластины на Северо-западном побережье были, подобно золоту и серебру в античном мире и средневековой Европе, первой формой, в «которой богатство утверждается как абстрактное общественное богатство»⁹⁷.

* * *

Медь имела большое значение не только в экономической и социальной жизни индейцев, но и в их религиозных представлениях, в фольклоре и мифологии. Это говорит о том, что медь бытовала здесь давно.

Как уже отмечалось, по побережью было широко распространено представление о меди как живом существе и отождествление ее, чаще

⁸⁹ C. Ford, *Smoke from their fires*, New Haven, 1941, стр. 169.

⁹⁰ G. Emmons, *Copper neck ring of Southern Alaska*, стр. 647.

⁹¹ L. Adam, *Stammes organization und Hauptlingtum der Tlinkit Indianer*, «Zeitschrift für vergleichenden Rechtswissenschaft», т. XXIX, терп. 1/2, Stuttgart, 1912, стр. 174.

⁹² A. Moret et G. Davy, *Des clans aux Empire*, Paris, 1923, стр. 128.

⁹³ T. Mc Ilwraith, Указ. раб., стр. 344.

⁹⁴ F. Boas, *Social organization and secret societies of the Kwakiutl Indians*, стр. 344.

⁹⁵ T. Mc Ilwraith, Указ. раб., стр. 260.

⁹⁶ A. P. Niblack, Указ. раб., стр. 335.

⁹⁷ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 123.

всего в самородках, с лососем, который сам по себе был предметом культа.

В фольклоре индейцев медь является всегда атрибутом необычного; сверхъестественной силы, «сказочного» богатства. С нею связано представление о женщине — покровительнице богатства. В мифологии хайда ее руки наполовину из меди; она носит медный передник⁹⁸. У тлинкитов ее ногти медные. Под накидкой из куньи она носит медные пластины. Встреча с нею приносит людям богатство — для этого иногда достаточно услышать в лесу плач ее ребенка⁹⁹. В легенде квакиютлей-дзаваденох медь явилась вождю в виде белой, пахнущей медью птицы, превратившейся затем в женщину, оказавшуюся дочерью мифического коваля меди, живущего в подводном царстве; имя ее — «Медь кующая женщина». Она приносит в дом своего мужа огромные медные богатства¹⁰⁰. Все это подчеркивает, насколько велик и богат был предок этого рода. Сюжетом многих легенд является приобретение меди как сверхъестественного дара.

Герои легенд, вожди и их дети описываются носящими медные украшения — ожерелья и браслеты, которые свидетельствуют об их богатстве и знатном происхождении. По понятиям хайда, землю поддерживает сверхъестественное существо, покоящееся на медном ларе¹⁰¹. Волосы мальчика, ставшего сверхъестественным существом, превратились в кристалл и медь¹⁰². Сверхъестественные существа в мифологии индейцев всегда богаты медью. Вождь лососей настолько богат, что употребляет для варки пищи вместо камней чистую медь; вождь звезд спускается на землю по медному шесту. Солнце дарит индейке — жене своего сына целую корзину медных пластин.

С медью связывается целый ряд поверий. По представлениям квакиютлей, медь кладет конец хорошим и плохим делам, болезням и пр. Она останавливает ход рыбы, если медным ножом отрезать голову рыбы. Если на удочку рыбака попадают все ерши, то стоит одному из них отрезать голову медным ножом, как ни один ерш не коснется больше крючка. Если пуповину ребенка отрезать медным ножом, женщина больше не родит. В Форте Руперт индейка Мяги Хонт сообщила автору этих строк, что прикосновение медной доски к спине женщины вызывает бездетность. «Некоторые верят, — пишет Боас, — что эти явления вызываются запахом меди»¹⁰³, который обозначается тем же термином, что и запах лосося.

С медью связаны многие почетные родовые имена. Изображение медных пластин было частым мотивом в резьбе и росписи индейцев. Они стали частью тотемных изображений отдельных родов.

* * *

Изложенные нами материалы бесспорно свидетельствуют о том, что медь была известна и ценилась на Северо-западном побережье Северной Америки как редкий и дорогой металл еще до появления там европейцев. Наличие меди, как и наличие патриархального наследственного рабства у индейцев этого района, свидетельствует о своеобразной форме развития общества, когда народ, при каменной технике и при отсутствии земледелия и скотоводства, на основе рыболовства достигает такой ступени развития, что складываются уже элементы новой,

⁹⁸ J. Swanton, *Haida Texts and Myths*, стр. 156, 199.

⁹⁹ J. Swanton, *Tlingit Myths and Texts*, стр. 174.

¹⁰⁰ F. Boas and G. Hunt, *Указ. раб.*, стр. 63—85.

¹⁰¹ E. Goldenweizer, *Early Civilization*, New York, 1922, стр. 62.

¹⁰² F. Boas, *Social organization and secret societies of the Kwakiutl Indians*, стр. 326.

¹⁰³ F. Boas, *Current beliefs of the Kwakiutl Indians*, «*The Journal of American Folklore*», т. 45, № 176, New York, 1932, стр. 228.

тассовой формации. Изделия из меди составляли сокровища индейцев, которых окаменевала стоимость производимого в индейском обществе: излишка продуктов потребления. Общественное значение медных сокровищ индейцев отражало своеобразную форму сложившихся на пороге производственных отношений, характеризовавших собою распад родовой организации и становление товарного хозяйства.

Однако самобытному общественному развитию индейцев был положен конец на втором этапе капиталистической колонизации края. С конца XIX в. колониальная эксплуатация индейцев меховыми компаниями начала уступать место эксплуатации их как рабочих на капиталистических предприятиях начавшей развиваться здесь рыбной, лесной и горной промышленности. Индейские земли, их охотничьи и рыболовные угодья были захвачены, сами индейцы — низведены на положение колониального пролетариата.

Потлачи, не укладывавшиеся в рамки буржуазной морали, были запрещены, а медные пластины конфискованы.
